

© 1992 г. КЕРИМОВА А.А., МОЛЧАНОВА Е.К.

И.И. ЗАРУБИН И ТАДЖИКСКАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА

"Каждый язык вбирает в себя нечто от конкретного своеобразия своей нации и в свою очередь действует на нее в том же направлении".

В.Гумбольдт. Характер языка

Одному из авторов этой статьи посчастливилось учиться у И.И. Зарубина и бывать на его семинарах. Вспоминается его особый интерес к той области языкознания, которую ныне называют этнолингвистикой. В научной литературе отмечались параллельные плодотворные занятия И.И. Зарубина лингвистикой, фольклористикой и этнографией, см. [1, 2]. Известно также, что И.И. Зарубину были близки идеи Ф. де Соссюра, оказавшие влияние на развитие этнолингвистики. И.И. Зарубина явно занимали проблемы этносемантики. Вспоминается, например, подробное обсуждение с ним таджикской лексики *вазнинӣ* в том ее значении, которого не найти в словаре: имеется в виду передача времени суток — вечера. Слово связано, по-видимому, с особым чувственным восприятием конца дня — уходом солнца, наступлением темноты, замиранием жизни. Ср. литер. *вазнинӣ* 1) "тяжесть, увесистость"; 2) "недомогание, нездоровье; напасть, беда"; 3) "отягощение, бремя"; *вазнинӣ кардан ба касе* "быть кому-л. в тягость, отягощать, тяготить кого-л."; *вазнинӣ овардан* "производить на кого-л. удручающее впечатление, тяготить кого-л."; 4) разг. "степенность, солидность; уравновешенность, выдержка" [4, с. 88].

Свой интерес к этническим характеристикам речи и к национальной психологии И.И. Зарубин передал, как эстафету, ученикам. Имни были написаны ценные научные работы, отражающие свойственную таджикам² языковую картину мира.

Под руководством И.И. Зарубина в 1941 г. написал свою дипломную работу, посвященную семантике слова *об*, будущий крупный ученый, большой знаток таджикского языка Д.Т. Таджиев. Впоследствии (1952 г.) в переработанном и расширенном виде она была опубликована под названием «Слово *об* "вода" в современном таджикском языке». В статье детально исследуется семантика лексики *об* и ее сочетаний и анализируются, по мере возможности, русские соответствия. Д.Т. Таджиев, в частности, приводит подсказанный ему И.И. Зарубиным образец употребления аналитического глагола *об кардан* "продать, сбыть что-л. благополучно, может быть, даже и выгодно, продать или сбыть с рук вещи украденные, найденные", ср. русск. *сплавить*, у последнего Д.Т. Таджиев отмечает больший объем значения [5, с. 125]. Пример И.И. Зарубина: *ҳосили боғашро об карда гандум харида монд* "продал урожай своего сада, купил пшеницу".

В работе Д.Т. Таджиева собрано столько разнообразного, богатого, оригинального материала, что трудно удержаться и не процитировать пусть самую малую толику его. Обилие и своеобразие этого материала определяется тем, какую громадную, ни с чем не сравнимую роль играет вода в жизни таджиков. Это

¹ См. в связи с этим народное поверье относительно сроков погребального обряда: откладывание похорон на следующий день — *вазнинӣ меорад*, т.е. вызовет много болезней, возможно повлечет и смерть кого-л. [3].

² Здесь мы не будем останавливаться на таджикско-узбекских сходениях в этой области.

не только источник утоления жажды, источник орошения, источник жизни, но и источник и символ благополучия, счастья. Например, считается, что увидеть воду во сне — к добру. См. пословицы (они, кстати, приводятся Д.Т. Таджиевым) гина: *Об — рӯшноӣ* "вода — к счастью"; *Обу одам* "Где вода, там и человек"; *Гашина дар хоб об бинад* "Жаждающий во сне видит воду"; ср. русск. *Голодной куме все хлеб на уме*. См. также оборот *об задағӣ барин* (букв. "точно полито водой") — употребляется для выражения порядка, успокаивающего нервы, тишины: ... *имрӯз кучаҳо об задағӣ барин* "сегодня на улице ничего особенного (тишина)".³ Кроме того, быстротекущая вода — символ изменчивости, непостоянства, неустойчивости, несбыточности, безвозвратности, с чем связаны такие обороты, как: *хобатро ба об зӯй* букв. "скажи свой сон воде", т.е. не рассчитывай на что-л.; *ба сари чизе об рехтан* букв. "налить ... на голову воды", перен. "сплавить, сбить, истратить" (в имущественном смысле); *ба сари пули будағӣ об рехтем* "мы спустили все имевшиеся у нас деньги"; (о человеке) "разоблачить, наказать", даже "убить".

Д.Т. Таджиев определяет основное значение лексемы *об* как "вода" → "любая жидкость" [5, с. 122]. Ср. ее употребление в сочетаниях, обозначающих сок, отвар, бульон, настой, раствор, жидкое состояние: *оби анор* "сок гранатовый", *оби себ* "яблочный сок"; *оби чой* "заваренный чай", *оби шӯрбо* "бульон"; *оби чав* "пиво", *оби кӯкнор* "раствор мака"; *оби равған* "растопленное масло"; *оби тилло* "золотая краска" (и "золотые буквы").

Самобытны фразеологизмы с *об*, обозначающие жидкие выделения из глаз, рта, носа: *оби чаши* "слезы", *оби даҳон* "слюна". Здесь стоит еще упомянуть тематически примыкающий фразеологизм *оби дандон* "леденцы" (*дандон* "зубы").

Аналитические глаголы *об кардан* "плавить", *об шудан* "плавиться" используются метафорически в таких оборотах, как *дилам об шуд* "замучилась", *диламро об кард* "замучил, извел"; *об карда хӯрдан* (букв. "растворить и есть") — говорится о глубоком усвоении чего-л. — профессии, науки; *вай математикия об карда хӯрдағӣ* "он хорошо знает математику" [5, с. 145]. Ср. русск. *собаку съест в чем-л.*

Другие метафорические обороты с *об*: *аз гулияш об ҳам намегузарад* (букв. "через его/ее горло даже вода не проходит") — о человеке, очень огорченном [5, с. 141—142]. *Акнун калон шудӣ. Акнун харат аз об гузашт* (Икромӣ) "Теперь ты стал важным человеком. Теперь знать ничего не хочешь" (букв. "Теперь твой осел прошел через воду") [5, с. 143]. Этот оборот можно истолковать так: пройден этап, в ком/чем нуждались, больше не нуждаются.

Приведенный выше материал свидетельствует о той важной позиции, которую занимает вода в семантическом мире таджиков. Это и благо, и утрата, и рок, и конкретные физические явления, и качества и т.п. Эта позиция отражена в многочисленных пословицах и поговорках с *об*. Часть из них уже приводилась. Приведем еще три. *Об дар ҷои сахт меистад* (букв. "Вода держится на твердом грунте") — о необходимости прочной основы в жизненных делах, см. [6, с. 56]; *Об агар сад пора гардад, боз ҳам ошност* (букв. "если вода разольется и на сто частей, все равно они едины") — говорится о родственниках, друзьях, временно расставшихся, — все равно они друзья и будут снова вместе; см. [7, с. 738]; *Оби рехта бардошта намешавад* "Что с возу упало, то пропало" (букв. "Пролитую воду не соберешь").

³ Это образное и фигуральное выражение становится особенно понятным, если представить себе вид политого в знойный день двора или пола (земляного) помещения. Наступает прохлада, восстанавливается порядок, который действует успокаивающе. Более того, это же выражение в какой-то мере в переносном значении выражает благополучие, отсутствие беспорядка в жизни, в семье: — *Аҳволаҳо чӣ таар?* "Как дела?" — *Тинҷӣ, об задағӣ барин* "Ничего, все в порядке" [5, с. 145, п. 22]. Ср. русск. *тишь да гладь...*

Тема воды широко представлена в таджикском фольклоре, см. об этом [8, с. 36—40]. Вода, проточная вода — выражение жизни, красоты, любви, радости. Один вид текущей воды, особенно воды прозрачной, чистой, доставляет таджику особую радость, а иногда и грусть — в связи с быстротечностью жизни. Вспоминается, как одну старушку, тяжело больную, провожали в больницу, откуда ей не суждено было вернуться. По дороге, проходя мимо ручейка и глядя на него, она говорила с большой печалью: *"Оби равон, оби равон..."* (равон "текучая, проточная").

Вода — один из основных мотивов поэтического творчества, в тесной увязке с темами любви, разлуки, ностальгии. См., например, у Рудаки: *Кори бӯса чу об хӯрдани шӯр, / Бихӯрӣ беи, ташнатар гардӣ* "Поцелуй — что вода после соленого: чем больше пьешь, тем больше хочется". Он же, призывая эмира бухарского вернуться на родину, недаром напоминал ему запах родной воды: *Бӯи ҷӯи Мулиён олд ҳама...* "Веет ароматом ручья Мулиян".

Чрезвычайным богатством и разнообразием отличаются словообразование и словосложение с *об* (см. подробнее работу Д.Т. Таджиева [5, с. 124—141]). Здесь мы упомянем только три лексемы, заслуживающие внимания именно в этнолингвистическом аспекте.

1. Существительное *обрӯ* "авторитет, влияние, уважение, престиж, репутация, честь, достоинство" (ср. *рӯ* "лицо"). Эта модель кажется почти универсальной в западноиранских языках. Ср. в диалектах полосы Исфaghана: в седей — *âbirû* (с изафетом), в гязӣ — *âburû* (с союзом *и* "и"), в кяфранӣ — *âvi dûm* (с изафетом и другой лексемой для "лица"). Иначе — в кандулаї: *sarbarzi* (ср. тадж. *сарбаландӣ* в том же значении). Любопытен таджикский фразеологизм, в котором соединены контрастные значения *об* — в *обрӯ* и *оби ҷӯӣ шудан*, ср. во фразе: *Дар байни халқ обрӯям оби ҷӯӣ мешавам...* "Я опозорюсь перед людьми..." [7, с. 757].

2. Прилагательное *обдор* (бука. "имеющий воду") — употребляется в характерных сочетаниях: *бӯсаи обдор* "крепкий поцелуй"; *ганҷои обдор* "резкие слова"; *торсакии обдор* "звонкая пощечина"; *ашъори обдор* "трогательные стихи"; *теги обдор* "закаленный клинок". Универсальным кажется употребление этого прилагательного с именами, означающими драгоценные камни, см. [4, с. 280]. Ср. синоним *хушоб* "чистой воды" (о драгоценных камнях): *алмоси хушоб* "бриллиант чистой воды".

3. Еще одна словообразовательная модель с *об*, упоминаемая Д.Т. Таджиевым, — тадж. *обӣ* "водный, водяной". В связи с этой лексемой обратимся к увлекательной статье Р.Л. Немецовой (ученицы И.И. Зарубина) "Народные представления, связанные с рекой Вахш" [9]. Статья посвящена древнему культу водной стихии у южных таджиков, материалы были собраны в 1963—1964 гг. в районе сооружения Нурекской ГЭС. Автор приводит фразеологизм *аспи обӣ* "водяной конь" и связанные с ним легенды о чудесных водяных конях, которые водятся в горных реках, в частности, в р. Пяндж (верховья Аму-Дарьи), в озерах и источниках (ср. летающего коня в русских сказках: "Конь с золотой узды срывался, / Прямо к солнцу поднимался" [Ершов. "Конек-горбунок"]). Помимо *аспи обӣ*, Р.Л. Немецова называет и другие фразеологизмы с *обӣ*, означающие иные мифологические существа. «По старинным поверьям, река населена сверхъестественными существами, якобы знающими судьбы людей. Это так называемые *одамои обӣ* — водяные люди, которые безвредны, земным людям не причиняют вреда, но стремятся к ним. Подводный мир реки, как считают, очень разнообразен: помимо водяных людей, там живут водяные лошади — *аспи обӣ*, водяные собаки — *саги обӣ* ("выдра"), водяные мыши — *муши обӣ*. Устройство подводного мира аналогично земному, речное дно — земля, состоящая из семи слоев — *ҳафт табақ (табақа) зъмин* (ср. старое представление о мироздании, о небе, состоящем из семи слоев, о мире, состоящем из семи материалов — *ҳафт иқлим*)» [9, с. 101].

Об *аспи обӣ* есть сообщение А.З. Розенфельд (в этнографической литературе):

"о водяном коне, имеющем пребывание в определенных озерах, откуда он выходит по временам на поверхность", см. [9, с. 108]⁴.

Народные поверья о водяных существах, как и соответствующие фразеологизмы *аспи обӣ*, *одамони обӣ*, *муши обӣ* и др.⁵, по наблюдениям Р.Л. Неменовой, ограничены южным Таджикистаном и представляют собою осколки древнейших анимистических представлений, связанных с культом воды [9]. Возможно, они выветриваются из народной памяти. Тем ценнее заслуга ученых — языковедов, фольклористов, этнографов — и писателей, стремящихся запечатлеть древние образы и специфическую лексику.

У известного современного прозаика Бахманёра, в творчестве которого особенно сильна фольклорная струя, водяному коню посвящен отдельный лирический рассказ (или, как определяет этот жанр сам автор, маленькая поэма) — "Обасп" (1984 г.). Из необычного горного озера выходит чудесной красоты конь серебристо-лунного цвета, объятый солнечным сиянием, с хвостом и гривой, отливающими пурпуром. С его тела падают не капли воды, а горящие звезды. Он выходит из озера ночью и скачет по берегам, не сминая травы и не оставляя следов. И когда конь уходит обратно в озеро, вода перед ним расступается надвое, как раскалывается спелый арбуз под ножом, и смыкается снова, подобно сложенным вместе двум половинкам яблока. Этот конь — мечта, абсолютный идеал персонажа рассказа — любителя лошадей.

В нашей статье шла речь о малом фрагменте таджикской лексики. Но я его достаточно, чтобы получить представление о том, насколько богат и своеобразен семантический мир таджикского языка. Лингвисты (особенно диалектологи), фольклористы, этнографы, писатели — и среди них ученики и последователи И.И. Зарубина — собрали многочисленные материалы в этой области. Материалы эти рассредоточены по разным отраслям и ждут своего обобщения в этнолингвистическом аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Расторгуева В.С.* И.И. Зарубин — лингвист // Иранский сборник. М., 1963
2. *Гафферберг Э.Г., Кисляков Н.А.* И.И. Зарубин — этнограф и музейный работник // Иранский сборник. М., 1963.
3. *Хамиджанова М.А.* Мужские джахры в похоронных обрядах таджиков верховьев Зеравшана // Этнография Таджикистана / Отв. ред. Литвинский Б.А. Душанбе, 1985. С. 55.
4. *Таджикско-русский словарь* / Под ред. М.В. Рахмиев и Л.В. Успенской. М., 1954.
5. *Таджиев Д.Т.* Слово об "вода" в современном таджикском языке (Из материалов по таджикской лексикологии) // Труды Ин-та языкознания АН СССР. Т. I. М., 1952.
6. Куллиёти фольклори тоҷик. Ҷ. IV. Зарбулмасалҳо. Душанбе, 1986.
7. *Фозилов М.* Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳодирани тоҷик (фарҳанги фразеологӣ). Ҷ. I. Душанбе, 1963.
8. *Амонов Р.* Рубоёти халқи ва рамзҳои бадеӣ. Душанбе, 1987.
9. *Неменова Р.Л.* Народные представления, связанные с рекой Вахш // Этнография Таджикистана / Отв. ред. Литвинский Б.А. Душанбе, 1985.
10. *Розенфельд А.З.* К терминологии родства и свойства в таджикских говорах // Иранское языковедение. М., 1976.
11. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988.

⁴ Серия работ А.З. Розенфельд по лексике юго-восточных таджикских говоров, в том числе — о терминологии родства и свойства — это результат ее многолетних поисков, инициаторов И.И. Зарубиним [10].

⁵ Сочетание *саги обӣ* лексикализуется, см. *саги обӣ/саги обӣ* [4, с. 335—336].